

его злокозненности, отвлеченных логических схем, мнимого глубокомыслия, иллюстративности и пр. он доказывает не словесно, а на практике.

На сравнительно небольшой площади уместились различные пласты исследования — теоретико-литературный, историко-литературный, конкретно-критический, публицистический. Лаконизм отточенной формулировки, строгий вкус, отсекающий дешёвые украшения «красноречия», благородная сдержанность интонации (разве что изредка налет легкой иронии в адрес поверженного врага) — ни одного лишнего стилистического средства и предельная выразительность каждого отобранного.

Уплотненность содержания и формы создает и свой темп. Ничто так не чуждо Е. Тагеру, как вялая, ослабленная мысль: замедленные подступы к теме, неоправданные остановки в пути для ненужных разъяснений и оговорок, натужно скрипящее воображение, барахтающееся в воздушных ямах общих мест.

Профессиональные критики хорошо знают разницу между книгой, о которой можно написать, и книгой — она-то и дороже всего сердцу рецензента, — о которой нельзя не написать.

О книге Е. Тагера не написать нельзя.

С. ШТУТ

ИТОГИ ЮБИЛЕЯ

Советская общественность широко отметила 70-летие со дня рождения выдающегося русского поэта Сергея Есенина. Специальные научные конференции были проведены в Рязани и Ленинграде. Государственное издательство «Художественная литература» выпустило томик лирики Есенина и приступило ко второму изданию его собрания сочинений в пяти томах. Однотомники Есенина вышли в издательстве «Советская Россия» и Лениздате. Последний — «Словесных рек кипение и шорох»¹ — составлен не совсем обычно. Произведения Есенина представлены не хронологически, а по сборникам поэта, выходящим при его жизни. Издание выгодно отличается обилием иллюстративного материала и богатый справочный аппа-

рат. Аннотированный список всех прижизненных сборников Есенина, как вышедших, так и оставшихся в рукописях, дает возможность читателю познакомиться с работой Есенина-составителя. Хорошо составлен в однотомнике словарь областных и редко встречающихся слов.

Казалось бы, пятитомное собрание, вышедшее несколько лет тому назад, включило в себя все написанное Есениным. Но оказалось, что это не так. В ряде журналов к юбилею появились публикации вновь найденных писем Есенина, материалов к биографии и даже стихов. Поиск продолжается. Находятся люди, знавшие поэта, раскрываются целые архивы. Стал достоянием общественности архив писателя М. Мурашова.

«Десять автографов поэта» — так называется публикация этого архива, сделанная Ю. Прокушевым (в сборнике «День поэзии»). Она при-

¹ Сергей Есенин. Словесных рек кипение и шорох. Составители А. П. Ломан и Н. И. Хомчук, Лениздат, 1965, 863 стр.

влекает обилием неизвестного материала. Михаил Павлович Мурашов — человек, к которому Александр Блок послал молодого Есенина. «Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе,— писал Блок,— и Вы лучше, чем кто-либо, поймете его». И действительно, Мурашов и Есенин стали очень близкими друзьями. Об этом свидетельствуют записки Есенина, сохранившиеся в архиве, автографы на книгах и другие материалы. Публикация подготовлена интересно и написана очень живо. К сожалению, автор публикации не пошел вглубь и не разрешил некоторые вопросы, на которые читатель вправе получить ответ. Например, публикуя записку конца 1916 года с восторженным отзывом Есенина о стихотворении Блока, Ю. Прокушев не говорит, к какому стихотворению этот отзыв относится. А ведь это очень важно для характеристики взаимоотношений поэтов. Хотелось бы также знать, о какой рукописи Чернявского идет речь в одном из писем Есенина, на каком спектакле в театре «Кривое зеркало» были Мурашов и Есенин, и т. д.

Суше и академичнее откомментирована Б. Шумовой публикация писем А. М. Горького к С. А. Толстой-Есениной и писем Сергея Есенина к А. А. Берзинь¹. Комментатор подробно останавливается на истории создания А. М. Горьким очерка о Сергее Есенине. Этот очерк писался по просьбе С. А. Толстой-Есениной для одного из сборников о поэте, но не успел туда попасть.

Здесь же десять коротеньких писем Есенина к А. А. Берзинь. Люди, встречи, издательские работы, упоминания о работе над поэмой, обещания стихов, имена, фамилии, клич-

ки.. Есенин краток. Расшифровывать его письма сложно и поэтому хочется особо отметить скрупулезную работу Б. Шумовой, которая не смогла установить лишь нескольких имен.

Любопытно по материалу и опубликованное Ю. Прокушевым письмо Есенина к Н. Н. Ливкину¹. Оно очень важно для понимания отношения Есенина к декадентскому лагерю, к салону Мережковского и Гиппиус. «Тогда,— пишет Есенин,— когда вдруг около меня поднялся шум, когда мерещковские, гиппиусы и Философов открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи уже употребленные? Я был горд в своем скитании. То, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто взять любого из них за горло и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их: и с деньгами и со всем, что в них есть, и считал поганым прикоснуться до них. Поэтому решил перепечатать просто стихи старые, которые для них все равно были неизвестны».

Обзор есенинских материалов в Рукописном отделе Института русской литературы напечатала Н. Панченко². Она ввела в обзор свои замечания о погрешностях в комментариях к пятитомному собранию сочинений и опубликовала впервые заявление Есенина в комитет Литфонда с просьбой о материальной помощи. В этом заявлении упоминается неосуществленный сборник стихов Есенина «Авсень», ранее неизвестный исследователям.

Можно принять как рабочую гипотезу предположение В. Вдовина, что Есенин является автором стихотворения «Ноябрь» («На белом

¹ «Литературная Россия», 1 октября 1965 года, стр. 16—17, 22.

¹ «Огонек», 1965, № 40, стр. 8—9.

² «Вопросы литературы», 1965, № 8.

снеге отпечаток лапок...»), напечатанного во втором сборнике «Страды» и подписанного буквой «Е»¹. Однако хотелось, чтобы публикатор привел более солидные доказательства авторства Есенина, нежели самый простой стилистический анализ стиха.

На фоне интересных материалов, разысканных и опубликованных исследователями к юбилею, неприятно выглядит публикация письма Соколовой и экспромта Есенина², давно известных исследователям. В свое время они не были включены в собрание сочинений: письмо — как очень личное, а экспромт — как не имеющий никакой художественной ценности.

Подводя итоги публикаторской деятельности в юбилейные дни, нужно сказать, что, к сожалению, большинство исследователей лишь публиковали новые материалы, очень скупо анализируя их. А ведь многие документы позволяли дать развернутую характеристику целого периода творчества поэта. Например, публикация архива Мурашова могла вызвать серьезный разговор о взаимоотношениях Есенина и Блока и т. д.

Выгодно отличается от основной массы юбилейных материалов статья А. Ломана и Н. Хомчук «Сергей Есенин в Царском селе», опубликованная в ленинградском «Дне поэзии», а ранее печатавшаяся в газете «Вперед»³. Авторы собрали большой, ранее неизвестный материал, связанный с пребыванием Есенина на службе в Царском селе. До сих пор этот период был одним из самых малоизвестных. Несколько коротких, дело-

вых писем знакомым писателям и издателям, скудные воспоминания современников, да и то не из первых рук, а по рассказам самого Есенина,— вот и все источники. Даже в серьезной монографии Е. Наумова о Есенине (вышедшей к юбилею вторым изданием) об этом периоде говорится очень скупо.

Было неясно, почему Есенин попал на службу в Царское, с кем он был там связан, что делал. Статья А. Ломана и Н. Хомчук во многом отвечает на эти вопросы. Как показывают авторы статьи, Есенин перешел из Трофейной комиссии, куда устроил поэта М. Мурашов, в Федоровский городок именно потому, что относительная свобода службы давала возможность писать и, кроме того, Есенина явно привлекали те интересные люди, которые участвовали в оформлении Федоровского городка. (Федоровский городок, где служил Есенин, строился и расписывался по проектам архитекторов А. Щусева, А. Померанцева, С. Кричинского художниками В. и А. Васнецовыми, М. Нестеровым, Н. Рерихом, И. Билибиным.)

Л. Бельская в статье «Ранний Есенин и Кольцов»¹ говорит о традициях классического наследия в творчестве поэта. Интересно и поновому она сопоставляет произведения Есенина и Кольцова, подчеркивая художественные особенности, свойственные обоим поэтам. Вместе с тем автор показывает оригинальность и самобытность Есенина уже в начале его творческого пути, когда влияние Кольцова было наиболее сильным.

Мастерству поэта посвящено несколько работ. Здесь прежде всего хочется отметить книгу Е. Галкиной-Федорук «О стиле поэзии Сергея

¹ В. Вдовин, Забытое стихотворение С. Есенина, «Неделя», 1965, № 44, стр. 11.

² В. Белоусов, Стихи в начале пути, «Вечерняя Москва», 2 октября 1965 года.

³ «День поэзии», Л. 1965, стр. 267—276; «Вперед», 23, 27 марта, 3, 10 апреля 1965 года (г. Пушкин).

¹ «Русская литература», 1965, № 3.

Есенина»¹ — итог многолетних трудов ученого, работу П. Юшина «О поэтике Есенина»², заметки о лирике Есенина С. Кошечкина³ и статью Л. Бельской «Из наблюдений над ритмами С. Есенина»⁴.

В книге Е. Галкиной-Федорук на первый план выдвигается анализ лексического состава поэзии Есенина, рассмотрение некоторых грамматических категорий, наиболее ярко проявившихся стилеобразующих средств по возможности в связи с идейно-художественным содержанием поэзии Есенина, а также теми общественными процессами и биографическими факторами, которые ее определяли. Интересно анализируя лексику поэта, а также изобразительно-выразительные средства, Е. Галкина-Федорук вместе с тем нередко поверхностно и односторонне связывает материал с идейно-художественным содержанием творчества Есенина. Так, например, говоря о просторечиях в произведениях Есенина, автор считает, что Есенин «переходил грани дозволенного употребления просторечия и вкрапывал в стихи грубые, вульгарные слова, словосочетания, а иногда ругательства и скабрзности». Какие же примеры приводит Е. Галкина-Федорук? Такие слова, как шарлатан, скандалист, повеса, гуляка, бродяга подзаборный, вор, пьяница. Просторечная лексика — категория историческая, меняющаяся. И в те годы эти слова отнюдь не казались столь «вульгарными». Скорее это обиходная лексика. Кроме того, употребление даже ругательств в стихах Есенина периода

1917—1923 годов оправдано внутренней логикой стихотворений. Именно мучительная борьба лирического героя позволяет рядом ставить вульгаризмы и возвышенную лексику. Этот художественный прием не снижает, а, наоборот, повышает эмоциональную насыщенность произведения.

П. Юшина интересуется вопрос трансформации «впечатлений бытия» в поэтический образ. Правильно показан переход к усложненному образу в послереволюционной лирике Есенина. Размышление над острыми социальными проблемами наполнило произведения Есенина драматизмом, изменило спокойные ритмы и интимные интонации. Однако период 1919—1922 годов П. Юшин рассматривает очень односторонне. «Светлые и жизнерадостные краски ранней его лирики,— пишет П. Юшин,— уступают место мутным и черным, звонкие и радостные голоса сменяются скрипами и визгами, надрывными и безысходными выкриками, на смену буйству и воодушевленности «Инонии» приходит уныние и глубокая грусть. И хотя время от времени в поэте и пробуждается «прежняя удаль», общий тон его поэзии мрачен». П. Юшин прямо говорит об упадке поэтического мастерства Есенина. Это совершенно неверно. Именно в этот период создается знаменитый цикл «Москва кабацкая». Странно, что П. Юшин не увидел в этих стихах Есенина борьбы с самим собой. Черновики поэта хранят следы этой борьбы. Очень жаль, что П. Юшин не использовал рукописи Есенина, это избавило бы работу от досадных перегибов. Кроме того, совершенно непонятно, почему статья обрывается на 1922 году, почему исследователь ничего не говорит о поэзии Есенина, «всей душой рванувшейся к новому».

¹ Е. М. Галкина - Федорук, О стиле поэзии Сергея Есенина, Изд. МГУ, 1965, стр. 87.

² «Русский язык в школе», 1965, № 4, стр. 17—23.

³ «Нева», 1965, № 10, стр. 176—179.

⁴ «Филологический сборник», вып. IV, Алма-Ата, 1965, стр. 102—110.

Желанием найти и показать читателю лучшее в лирике Есенина отличается статья С. Кошечкина. В противоположность П. Юшину С. Кошечкин пишет о «Москве кабацкой»: «Но и в «логове жутком» он «все такой же» сердцем. За нарочитой грубостью и развязностью скрывается та же «нежность грустная русской души». В изболевшейся груди еще не опустела «снов золотых сума», не погасла надежда снова услышать человеческую радость, быть с настоящими людьми». С. Кошечкин показывает, как Есенин «благословляет новую жизнь, чужую юность, судьбу тех, кому принадлежит будущее».

В ряду содержательных и интересных работ о поэте, вышедших к юбилею, особняком стоит статья В. Белоусова «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», напечатанная в журнале «Нива»¹, а потом включенная им в книгу «Сергей Есенин», вышедшую в издательстве «Знание». Эта книга требует особого разговора. В предисловии автор достаточно несамокритично выдвигает себя в число чуть ли не единственных и, уж во всяком случае, основных исследователей, занимающихся творчеством Есенина, внушает читателю, что он является человеком, разыскавшим Шаганэ Нерсесовну Тальян, героиню «Персидских мотивов». Однако в 1959 году литературовед Г. Бебутов напечатал рассказ о Шаганэ и опубликовал дарственную надпись Есенина к ней².

¹ «Нива», 1965, № 9.

² Г. Бебутов, К истории одного стихотворения, «Вечерний Тбилиси», 11 марта 1959 года. Странно, что в указателе источников в книге В. Белоусова, где учтены все многочисленные перепечатки одних и тех же стихов Есенина, сделанные Белоусовым в различных периферийных газетах, не указана эта важная публикация, о которой можно было узнать, пролистав примечания к третьему тому Собрания сочинений поэта.

Но, может быть, если даже честь открытия Шаганэ и не принадлежит В. Белоусову, он, написав эту статью, расширил наше представление о героине есенинских стихов? Автор публикует воспоминания Ш. Тальян о Есенине. Слов нет, воспоминания интересные и заслуживают того, чтобы читатель их узнал. Но В. Белоусов предваряет их предисловием, лишенным всякого такта:

«Девушка была совсем юной, и в спокойном выражении ее почти детского лица я не находил ничего, что позволяло бы обратиться к ней в духе известных строк: «Ты сказала, что Саади целовал лишь только в грудь...» Потом мне показалось, что сквозь безмятежную невинность ласковых глаз проступает лукавая зрелость женщины» (стр. 9).

Далее В. Белоусов с бесцеремонностью бульварного репортера пытается набросать картину взаимоотношений Есенина и Шаганэ:

«...Поэт увидел в ней черты душевной красоты, которые могли бы остаться незамеченными, если бы дело шло тем обычным порядком, когда взаимоотношения между ним и его поклонницами переходили известную грань и конец их становился однообразно повторяющимся» (стр. 23).

Не менее пошлые вещи сказаны и о другой женщине, которой поэт посвятил один из своих лучших циклов — «Любовь хулигана», — Августе Леонидовне Миклашевской.

В книге В. Белоусова есть и литературная хроника, она также составлена непрофессионально, в ней отсутствует элементарный отбор фактов. Дата написания или публикации поэмы или стихотворения соседствует с датой незначительного экспромта, случайной записи в альбом. Основное внимание составителя (это оговаривается и в тексте, и в хроно-

логическом указателе) обращается на произведения, которые опубликованы самим В. Белоусовым, произведения отнюдь не лучшие, долго лежавшие в архивах и не печатавшиеся из-за незначительной художественной ценности¹.

Факт знакомства с Блоком лежит на поверхности. Известна записка Есенина к Блоку, помета Блока на записке, дарственная надпись на книге. В. Белоусов включает его в хронику, а вот даты знакомства Есенина с Маяковским и Горьким нет.

В предисловии к книге говорится: «Более пятнадцати лет напряженного труда, надежд и разочарований потребовалось, чтобы из зыбкой, колеблющейся трясины домыслов вырвалась, всплыла и надежно утвердилась крепкая документальная гать нелегкой есенинской жизни» (стр. 2). Какая же это «документальная гать»? Установление даты написания большинства стихотворений В. Белоусов проводит простым арифметическим отсчетом одного-двух месяцев от известной ему публикации. Хроника изобилует ошибками. Например, Блок назван редактором альманахов «Творчество», а он не был им. Сборник «Скифы», № 2, вышел не в декабре 1917 года, а в ноябре. Стихотворение «Лисица» впервые напечатано не в журнале «Нива», а в газете «Биржевые ведомости», и не в 1917, а годом ранее. Неправильно предложение В. Белоусова включить в собрание сочинений поэта частушки, собранные Есениным, но не написанные им. Список можно продолжить. Поистине «документальная гать»!

¹ Кстати сказать, разыскивать эти стихотворения было не нужно, ибо они лежали в архивах в фондах Есенина, и, чтобы их опубликовать, потребовался лишь труд переписчика.

Особенно многочисленны воспоминания современников, опубликованные к юбилею. Частично журналы перепечатали старые — забытые в подшивках 20-х годов, но большинство переработано и дополнено авторами. Многие из них вошли в сборник «Воспоминания о Сергее Есенине»¹. Появились и новые воспоминания. Наиболее значительными являются две работы. Это новый вариант воспоминаний А. Мариенгофа «Роман с друзьями»² и книга И. Шнейдера «Встречи с Есениным»³.

В свое время А. Мариенгоф выступил с очень шумевшей и подвергшейся критике книгой «Роман без вранья». «Роман с друзьями» освобожден от случайных деталей, которые послужили поводом к нареканиям. В «Романе с друзьями» автор не стремится к созданию законченных портретов своих современников. Очень характерно название, которое А. Мариенгоф дал своим воспоминаниям первоначально. Они назывались: «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги». А. Мариенгоф именно воссоздает атмосферу эпохи, и поэтому литературные портреты Есенина и его окружения кажутся нам такими конкретными и непосредственными. С трактовкой А. Мариенгофа можно спорить. Так, картина взаимоотношений с С. Есениным автором воспоминаний представлена более идиллически, чем это было на самом деле. Совсем ничего не сказано об отходе Есенина от имажинизма, об уходе его из жур-

¹ Этот сборник и материалы, в нем опубликованные, требуют особого разговора, и поэтому мы не будем их касаться в нашем обзоре.

² «Октябрь», 1965, № 10, стр. 83—126; № 11, стр. 79—98.

³ И. Шнейдер, Встречи с Есениным. Воспоминания, «Советская Россия», М. 1965, 103 стр.

нала «Гостиница для путешествующих в прекрасном». На первом плане интересные, но не всегда необходимые детали. Вряд ли можно принять также ту характеристику, которую дает А. Мариенгоф другу Есенина — Галине Бениславской. Тенденциозно подобранные письма Есенина, приводимые А. Мариенгофом, дают неверное представление об их отношениях.

С А. Мариенгофом спорит близко знавший Есенина человек — бывший директор балетной школы Айседоры Дункан И. Шнейдер. Он познакомился с Есениным гораздо позднее А. Мариенгофа, тогда, когда Есенин уже отходил от имажинизма. И. Шнейдер вспоминает уже о совсем другом круге людей, связанных с Есениным, и поэтому при всей внутренней полемике И. Шнейдера и А. Мариенгофа эти воспоминания как бы дополняют друг друга. Книга И. Шнейдера написана с большой любовью к Есенину и с большим уважением к Айседоре Дункан. Автор заставляет читателя по-новому взглянуть на отношения этих двух художников, отношения, которым давалась не всегда объективная характеристика людьми, далекими в то время от поэта.

Книга И. Шнейдера документальна. Автор публикует много архивных документов, пользуется своими старыми заметками в газетах и журналах.

Сестра поэта Е. Есенина рассказывает историю семьи Есениных¹. В воспоминания она включает документы, письма. С большим интересом читаются рассказы о приездах Есенина в родную деревню. Очень важен для оценки взглядов поэта на

¹ Е. Есенина, В Константинове, «Литературная Россия», 17 сентября 1965 года; «Из воспоминаний» — «Огонек», 1965, № 40, стр. 14—15.

революцию и большевиков разговор в семье о выборах местной власти, приведенный Есениной. Эти воспоминания — часть большой работы Екатерины Александровны, еще не опубликованной полностью.

Комментарием к стихотворению Есенина «Папиросники» воспринимаются воспоминания Г. Окского о встречах поэта с беспризорниками¹. О Есенине-чтеце пишет П. Радимов². Ему посчастливилось слышать в исполнении поэта «Анну Снегину». О выступлении Есенина перед курсантами вспоминает В. Башин³. Горьким дням, похоронам старого друга, посвящает свои воспоминания А. Антоновская⁴. Все эти воспоминания лаконичны и достоверны. Исключение — воспоминания А. Кандуралова⁵. Автор вспоминает о каком-то училище (по-видимому, училище живописи, ваяния и зодчества в Москве), где собирался литературный кружок, в котором якобы предводительствовал Маяковский, а ему «подыгрывали братья Бурлюки и др.». Попутно А. Кандуралов говорит о Хлебникове как о поэте, который «вообще не признавал никаких слов, никаких фраз и смысла». И уж что совсем невероятно в воспоминаниях А. Кандуралова так это рассказ о выступлении в училище Есенина в сопровождении Ключева в присутствии Маяковского. Сопоставим даты. Маяковского исключили из училища в феврале 1914 года, Есенин был в это время в Москве и только начинал

¹ Г. Окский, Есенин и дети, «Семья и школа», 1964, № 11.

² П. Радимов, Строки о Есенине, «Огонек», 1965, № 40, стр. 16.

³ В. Башин, Есенин у курсантов ТПП, «Литературная Грузия», 1965, № 10, стр. 94—96.

⁴ А. Антоновская, Соловей, «Огонек», 1965, № 10, стр. 15.

⁵ А. Кандуралов, Таким я его помню, «Комсомольская правда», 3 октября 1965 года (Вильнюс).

печататься. Он не знал еще Клюева, с которым встретился лишь осенью 1915 года, и т. д. и т. п. Не спасает автора и публикация рисунков, сделанных якобы с натуры, но очень далеких от действительности.

Воспоминания бывают разные. Иные с годами растут, расширяются. Добавляются новые детали. Таким веришь с трудом. Другие не множатся, а только обобщаются. И «тогда иначе понимаешь то, что прежде видел и почти забыл», — пишет В. Шкловский¹. Его воспоминания короткие, они приближаются к жанру литературного портрета. В них отброшено все случайное, факты сконцентрированы, — они как бы подпирают друг друга. Воспоминания В. Шкловского воссоздают образ поэта во всей его сложности и противоречивости. Поэтому, высоко оценивая написанное В. Шкловским, мы не можем умолчать об одной погрешности, в которой автор, быть может, и не виноват, но которая снижает достоверность материала. В воспоминаниях приводится рассказ Клюева о том, как он и Есенин впервые пришли к Городецкому: «...Узнали, где живет он, достали ведро с краской, две кисти, пришли к нему на дачу и нанялись красить забор; не знаю, как они его покрасили, знаю, что потом пошли на кухню закусить, пели, читали стихи и доставили Сергею Городецкому удовольствие открыть деревенских поэтов». Рассказ Клюева — легенда, противоречащая фактам. Клюева Городецкий знал еще до 1915 года, когда Есенин появился в Петрограде. Есенин пришел к Городецкому по рекомендации Блока. С Клюевым он тогда еще не был знаком.

¹ В. Шкловский, Из воспоминаний, «Юность», 1965, № 10.

К жанру литературного портрета близки и воспоминания Н. Тихонова¹. В них очень важны строки о чтении Есениным первоначальных набросков поэмы о Ленине в присутствии Фрунзе, Енукидзе, Воронского.

Было время, когда о Есенине писали и печатали до обидного мало. Литературное наследие его осваивалось исследователями медленно. Воспоминания современников много места уделяли бытовой стороне и почти совсем не затрагивали творческих вопросов. Сейчас положение изменилось. Накоплен большой материал, появились серьезные статьи и монографии, которые рассматривают творчество Есенина и его произведения на широком общественно-литературном фоне и ставят серьезные проблемы общелитературного характера. По-новому осмысляются и явления истории литературных отношений. Если раньше Есенина и Маяковского рассматривали лишь как антиподов, то сейчас исследователи пытаются найти то общее, что позволило этим двум разным поэтам, каждому по-своему, войти в сознание многомиллионного читателя. С. Гайсарьян в статье «Высоты поэзии» пишет: «Они расходились между собой во взглядах на жизнь и на задачи поэзии. Им трудно было увидеть то общее между ними, что сегодня — с вершины прожитых лет — нам видно гораздо лучше. Время показало, что рядом с фанфарами и басом Маяковского навсегда сохранится для будущего и тихий, задушевный голос Есенина»².

Об общности Маяковского и Есенина пишет в своих воспоминаниях

¹ Н. Тихонов, Из дневника писателя, «Дружба народов», 1965, № 12, стр. 220—223.

² «Литературная газета», 30 сентября 1965 года.

С. Коненков¹. О творческом соревновании двух поэтов говорит ленинградский поэт А. Решетов². Заметки А. Дымшица «Сергей Есенин и ...»³ ставят несколько проблем в есениноведении, которые ждут своего разрешения. Некоторые из них, как, например, Есенин и фольклор, в какой-то степени уже освоены. Другие — Есенин и западная поэзия, Есенин — редактор и издатель, Есенин и театр — почти совсем не разработаны. Добавим к этому, что еще мало работ о мастерстве поэта, глубоко анализирующих его образные и словесные богатства. Совсем нет работы, по-настоящему освещающей взаимоотношения Есенина с Блоком. Ведь общеизвестно, что есенинское твор-

¹ С. Коненков, «Волнуйся, неуемный ветер!», «Простор», 1965, № 9.

² «Звезда», 1966, № 2, стр. 188—191. Статья А. Решетова написана на основе стенограммы его выступления на конференции в ИРЛИ 6 октября 1965 года.

³ А. Дымшиц, Сергей Есенин и... «Звезда», 1965, № 10.

чество долгое время находилось под влиянием Блока, оставаясь в то же время самобытным. И вообще наши исследователи еще мало обращают внимания на взаимосвязи Есенина с лучшими представителями советской литературы. Накопленный материал, опыт предыдущих работ позволяют сейчас перейти к большим обобщениям на серьезной исторической основе. К юбилею было «выдано нагора» много серьезного и нового, но не обошлось и без срывов. Кое-кто в юбилейном азарте пытался навести на Есенина «хрестоматийный глянец». Но, что самое главное — сейчас уже можно об этом говорить, — выросла новая отрасль в литературоведении — есениноведение. О Есенине начали говорить и писать как о классике советской литературы. Сделан первый шаг. Продолжить работу по освоению есенинского наследия — дело чести наших ученых.

В. ЗЕМСКОВ

ЕСЕНИН В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ*

Новый сборник воспоминаний о Есенине вышел почти через тридцать лет после первых попыток собрать воедино мемуары о поэте. И надо сразу отметить заслуги составителей рецензируемого сборника, сумевших путем умелого подбора наиболее значительных воспоминаний осветить основные периоды жизни Есенина, избежав в целом тех огрехов и просчетов, какими страдали предшествующие издания. Здесь нет сенсационных анекдотов о гуляке и бездомном «пиите», слагающем стихи

в волшебном озарении, ясно проглядывает желание раскрыть духовный мир поэта, показать сложность перипетий его короткой жизни.

К сожалению, составители не воспользовались представившейся им возможностью на материале публикуемых и оставшихся вне сборника воспоминаний ответить в предисловии на наиболее острые и до конца не разрешенные вопросы жизненной драмы Есенина. А материала для этого достаточно.

Среди наиболее значительных материалов в первую очередь следует назвать воспоминания старшей сестры поэта Е. Есениной, воспоминания А. Есениной, В. Чернявского, М. Му-

* «Воспоминания о Сергее Есенине». Сборник. Под общей редакцией Ю. Л. Прокушева, «Московский рабочий», М. 1965, 520 стр.